

ИНТИМНЫЙ
СПЕЦНАЗ

Михаил Серегин

СЕКС-ПУЛЯ

Интимный спецназ

Михаил Серегин

Секс-пуля

«Научная книга»

2009

Серегин М. Г.

Секс-пуля / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
2009 — (Интимный спецназ)

Дада промышляет любовью за деньги. Летом цепляет «клиентов» на пляже, зимой ищет «спонсоров» в ресторанах и клубах. Девушке срочно требуется богатый кормилец. И такой дядя быстро «нарисовывается». Однако уже наутро красотка находит его мертвым под окном гостиницы. «Братки» и «органы» поочередно навещают Даду с угрозами и расспросами. Пока она пытается разобраться в произошедшем, гибнет еще один из ее «ценных кадров». Выйдя на след некоего автосервиса, связанного с угоном дорогих иномарок, Дада запоздало понимает, что лучше бы ей было не ввязываться в это темное дело...

© Серегин М. Г., 2009

© Научная книга, 2009

Михаил Серегин

Секс-пуля

Зима застала ее в ванной. На улице шел первый снег, а она об этом и не подозревала. Вода была горячая. Тугие струи бежали по нежному телу, распаривая ухоженную шелковистую кожу и доставляя Дарье массу удовольствия.

Она чувствовала прикосновения множества тепленьких пальчиков, которые пробегали по телу и ласкали так изысканно и тонко, что она стала даже сомневаться, а сможет ли точно так же ласкать хоть один мужчина в мире. Зеленоглазая черноволосая красавица улыбнулась своей мысли – вот бы найти такого молодца! Красивого, статного и умелого одновременно.

Она сегодня продрогла. Оделась легко. На улице было плюс пять, а она – в кожаной курточке на рыбьем меху, в плотных колготках. На ногах полусапожки. Шапку вообще не надевала.

Весь день провела с девками на Немецкой. Обошла магазины, наелась булок с сосиской и пирожных, напилась кофе. Сделала выручку продавщице ювелирного магазина, чем была весьма довольна. Полезла в душ, не снимая с шеи новую золотую цепочку, на которой висел небольшой медальончик с ликом богородицы.

Дарья вылезла из ванны, покрутила попкой перед зеркалом, посмотрела на покупку, удобно расположившуюся чуть выше вздыбленных грудей, и, улыбнувшись сама себе, накинула халат и выпорхнула в коридор.

Прошла на кухню. Хотела поставить чайник, но вид падающих с неба белых хлопьев завожил ее. Все забыла, уставилась в окно, как малое дитя, широко раскрыв глаза, и смотрела, как снежинки почти перед ее носом медленно падают, ложатся на жёсть подоконника и тают.

«Еще земля не остыла, – промелькнуло в голове. – Наверное, я никогда не повзрослею, так и останусь ребенком. Буду думать о снеге, об улетающих на юг птицах, о зверюшках, которые забиваются в норы, чтобы спать до весны. Может, во мне слишком много романтического?»

Но нет, она не романтик, а скорее наоборот. Ей двадцать четыре, а в жизни чего только не было. То, что она сама пойдет сейчас и сама поставит чайник, заслуга только ее расчетливого, почти мужского интеллекта, но никак не чувств и эмоций. Она воспринимает мир таким, каков он есть. Она видела – началась зима, и это несмотря на то, что до конца ноября еще две недели.

Зажгла газ – повернула ручку, автоматически прошла искра, и пламя вспыхнуло. Хорошая плита у нее, и вообще – в этой однокомнатной обставленной квартире много хороших вещей.

Полгода, как уехала от матери на другой конец города и теперь живет одна почти на самом берегу Волги. Весьма престижное место. Можно было взять двухкомнатную в районе победнее, но зачем ей большие площади? Одна ведь.

Дарья заскучала, тупо глядя в телевизор. Транслировали этап «Формулы-1». И что здесь интересного, что мужики в этом находят для себя?

Она встрепелась при мысли о мужчинах и лукаво ухмыльнулась, глядя в чашку, на дне которой роились тысячи чаинок.

* * *

На следующий день, шестнадцатого ноября, она проснулась около двенадцати и первым делом опять глянула в окно. Снега уже не было – ни на асфальте, ни на траве. А ей так хотелось, чтоб улицы стали красивее, а город чище!

Все равно вскоре дома и деревья нахлобучат белые шапки, газоны накроются белым одеялом и уснут в ожидании весны. Только воробьи да снегири не утомонятся. Им, чтобы про-

жить, нужно перелетать с места на место в поисках хлеба насущного. Впрочем, ей тоже без этого не обойтись. Что поделаешь, слишком много она тратит. Небольшой грех для женщины, намного хуже то, что ей же самой и приходится пополнять стремительно тающие запасы на счету в Экономбанке.

Вспомнив о вчерашнем денечке, проведенном на улице, Дарья Данилова по прозвищу Дада решила надеть на себя вещички потеплее. Под красную кожаную куртку натянула свитер, связанный матерью из двойной нитки, как раз то, что нужно. Он спасет ее от холода. Надела джинсы в обтяжку, это тебе не чулочки, ветра можно не бояться. Не расставаться же окончательно со здоровьем ради выпендрежа. Нацепила кожаную шляпку, что волосы длинные, и так видно, а голове тепло необходимо.

Бегло глянув в зеркало, Дарья нашла себя очень даже ничего и выкатилась на улицу.

* * *

Цель ее сегодняшней прогулки была точно такой же, как и позавчера, и позавчера. Для того, чтобы сносно существовать, надо найти мужика, да не простого, а с деньгами. Она сама себя иногда сравнивала с вампиршей, которая заманивает жертву, используя собственные чары, а затем выпивает ее кровь. Вместо крови Дада потребляла деньги, а они в современном мире куда больше ценятся.

Размышляя об автогонках и о привязанности мужчин к машинам – они даже женщин сравнивают с кучкой ладно подогнанных железок – вандалы! — Дарья незаметно для самой себя вышла к оживленному перекрестку.

Оглядевшись, она увидела неподалеку кафешку и устремилась в тепло. Все, что ей было нужно сейчас, – так это чашка кофе и плитка шоколада. Потребности у нее абсолютно мизерные!

Закупив «все необходимое», она с превеликим удовольствием устроилась за столиком у окошка и стала пить ароматный напиток, глядя на улицу, где дорогие игрушки-машины неслись, увозя куда-то своих владельцев.

Дарья не была девочкой из ниоткуда и в ценах на крутые тачки немного разбиралась. Слегка поразмыслив, она пришла к выводу, что тот, кто смог позволить себе подержанный, но не слишком старый «Мерседес», в принципе может позволить себе и ее прекрасное тело, естественно, не за спасибо.

Мысль увлекла ее настолько, что она была готова броситься под колеса первому попавшемуся владельцу иномарки.

«Стоп, стоп, стоп. Ну это же ребячество».

Она улыбнулась собственным, согревающим душу мыслям.

Кофе быстро иссяк.

«Попросить еще? Потом бегай, ищи туалет! Не стоит!»

Дада засунула оставшуюся несъеденной полплитки шоколада в сумочку и снова вышла на улицу.

Глянула направо, зыркнула налево. Хорошая иномарка в центре города – вещь обыденная.

Вот он стоит, красавчик. Двухметровый, широкий, сердце шестикамерное, микропроцессорный контроль за впрыском горючего, полноприводной, морда отбойником защищена. Джипуля – красавец, ни царапинки. Хозяина нет, бросил хозяин.

Дарья подошла поближе. «Ниссан». Стекла тонированные, что внутри – не разглядишь. Руки чесались открыть дверцу, сесть за руль и ударить по газам.

Оглядевшись по сторонам, она убедилась в том, что на нее никто не обращает внимания. Могли бы и посмотреть в ее сторону, она все-таки красивая. Но все граждане, идущие только

им ведомой дорогой, смотрели не на Дарью, а на японское авто. Девушки как будто и не было в природе. Даже молодые парни, – казалось бы, им-то уж не до блеска металла должно быть, – вначале оценивали мощь внедорожника, после чего каждый третий бросал слишком уж серьезный взгляд в ее сторону. Ей стало неприятно оставаться рядом с «принцем» российского бездорожья, и она немного отошла в сторону, чтобы не мешать людям любоваться достижением народного хозяйства страны, похоже, уже навсегда восшедшего солнца.

Она топталась на месте, не зная, как ей лучше познакомиться с хозяином иномарки. Он наверняка богат. Обязательно поделится. Просто не сможет не отстегнуть кусочек от своего состояния.

Подул сильный ветер, и она похвалила сама себя за то, что надела джинсы. В колготках она давно бы уж задубела.

Дарья глядела по сторонам, пытаясь определить, с какой стороны пойдет владелец. Угадать ей не удалось. Одетый в потертую кожаную куртку мужчина, она даже сказала бы «мужчинка» – небольшого роста лысенький самчик подошел к джипу... Надо что-то делать, надо что-то делать, сейчас он сядет и уедет, а ты окажешься полной дурой... открыл дверцу... ему и осталось-то покидать пакеты на соседнее сиденье и уехать. Как же быть-то, чего ж сказать? Будешь приставать, как обычная шлюха, он тебя отmaterит, а то еще и на физиономии автограф поставит, своими быками пригрозит.

Дарья пару раз просматривала журнал «За рулем», так, от нечего делать – у приятеля в машине валялись, она ждала в машине, пока он своей жене мозги пудрил. Запомнила она из всего этого одно слово «турбонаддув». Что это такое, она не знала, но термин классный – «турбо», да еще и «наддув». Это все равно, как «гиперсексуальность».

Сделав три уверенных шага по направлению к машине, она встала по стойке «смирно» и громко спросила:

– Турбонаддув есть?

Хозяин машины явно не привык к тому, чтобы с ним пытались заговорить на улице, у него же не раздолбанная «БМВ» в конце концов, или еще там какая рухлядь.

Посмотрев на Дарью поверх очков, нет, очков не было, просто взгляд был такой: чуть приподнял густые брови и как-то исподлобья уставился. Хотелось брякнуть: «Чего пялишься, девки никогда не видел?» – но вместо этого она продолжала стоять и ждать, что он ей на это скажет.

А если уедет, так пусть едет, мало, что ли, в Саратове мужиков с деньгами, она себе еще кого-нибудь снимет.

– Есть, – ответил лысый в куртке. Еще мгновение, и он хлопнул бы дверью, после чего пустил бы движок и укатил, но он вылез из своего дома на колесах и подошел к Даниловой. Посмотрел ей в глаза. Он показался ей маленьким, а на самом деле был одного с ней роста.

Глаза у него темно-карие, почти черные, ни добрые, ни злые – пустые какие-то.

– Как зовут? – спросил начальственным тоном, будто интересовался, за какой срок построили этот объект.

– Даша, – пропищала Данилова. Строила из себя ну прямо-таки скромницу.

– Мерзнешь?

Дарья подумала, что у нее и на самом деле нос уже красный.

– Немного. Холодно на улице.

– Ты разбираешься в машинах?

Она улыбнулась.

– Немного.

– Видать, мозги у тебя действительно застыли, твердишь одно и то же: «немного», «немного». Не против, если я тебя обогрею?

Вообще-то прямо вот так она не желала, то есть она об этом даже и не думала, то есть не мечтала, ой, аж сердечко зашлось!

Скромной девушке не полагается отвечать на такие вопросы. А он уже за ручку берет и ведет к своему навороченному джипу.

«Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно».

Душа у Дарьи пела, а уж когда она опустилась в кожаное кресло, жизнь сразу представилась ей в розовом свете.

– Меня звать Антон Ильич, – представился мужчина. – Или Антон, если угодно. Кушать хочешь?

Хотела ли она кушать? Да, конечно! Елки-палки. Вези давай скорее в кабак, да подороже, чего спрашиваешь?

– Не знаю, – Дада скромненько пожала плечами.

– Хочешь. Бледна, худа и заторможена. Сейчас поедем набивать животы.

Она так язык и проглотила.

«Кто из нас „тормоз“, мы еще разберемся», – подумала она сама про себя, а тем временем внедорожник плавно тронулся с места.

Покатали они в «Золотую гриву», что рядом с Сенным базаром.

«Что он, на рынок держит, что ли? С другой стороны, какая тебе, Дашка, разница? Села и сиди. Все, что будет дальше, тебе давно известно».

На обед Антон Ильич не поскупился, молодец. Пили, ели на славу.

Когда они спустя два часа вышли на улицу, машины на стоянке не оказалось. Дарья почувствовала, что нервы внутри нее натянулись подобно тетиве.

Хозяин крутого авто, как это ни странно, пропаже не удивился. Ничего не говоря, взял ее за руку, и они пошли, как оказалось чуть позже, к дороге ловить тачку.

– А где машина? – Вопрос сорвался с языка сам собой.

– Хозяин забрал, – отмахнулся Антон Ильич.

Дарья остолбенела.

«Девку подснял, твою мать! На чужой тачке! Пацан. У него и бабок-то на одну ночь со мной не хватит!»

– Я, наверное, домой поеду, мама ждет, – засобиравшись в дорогу девушка.

– Нет уж, милая, поедем в гостиницу, у меня сегодня был тяжелый день, и мне надо расслабиться.

Дада хотела встать на дыбы, но он задал хороший вопрос:

– Сколько ты хочешь?

От ужимочек перешли к деловым переговорам.

– Тысячу долларов, – двинула она, не задумываясь.

Он скептически оглядел Дарью.

– Ты столько не стоишь, да и мне так круто не платят. Я дам тебе шестьсот за ночь, девочка, и давай больше не будем на эту тему.

– Боюсь, ты меня кинешь. – Она не любила подобных сделок, предпочитая сближаться с мужчиной, чтобы потом тянуть из него средства, а этот дружбы не предлагал.

Он жестом отпустил притормозившие красные «Жигули», залез во внутренний карман и отсчитал шесть сотенных бумажек зеленого цвета.

Деньги как деньги, вроде и не фальшивые.

– На сегодня ты мой командир, – объявила Дада, задирая полы куртки и засовывая бабки в карман джинсов. – Что ж ты остановился, Антон Ильич? Лови машину.

На этом балу теперь она королева, а он – просто крестьянин.

Приехали в гостиницу «Зеркальная». Номер он снял на восьмом этаже, надо сказать, не самый шикарный, но душ там был. Кроме того, заботливый дядя закупил шампанское и

ананасы – вещи, абсолютно необходимые, когда снимаешь девушку, без них ты не мужчина, а просто необузданное животное с незначительно выступающим вперед отростком. Также он не поскупился на икру и копченую колбасу, прибавив к этому бутылку дорогого коньяка, пару огромных коробок конфет. Так что получился весьма неплохой джентльменский набор на каждый день.

Любовник из лысого дяденьки оказался никакой: стрельнул разок и на боковую – это Дарье очень понравилось. Другое дело, что кровать узковата, зато она могла сказать «спасибо» за то, что не в машине, в «антисанитарных условиях», а все же как-то более цивилизованно он имитировал оплодотворение.

Дарья проснулась под утро оттого, что в комнате было жутко холодно. Высунув голову из-под одеяла, она увидела открытое окно. Героя-любовника рядом не было.

– Ни хрена себе, – выругалась она, вскакивая. Сложить один плюс один она была в состоянии даже после того, как накануне разошлась и практически в одиночку выпила бутылку шампанского. Окно открыто, мужчинки нет.

Подошла к окошку, высунулась на улицу. Внизу, на асфальтовой дорожке, рядом с клумбой лежит Антон Ильич. Свет фонаря помог Дарье разглядеть мозги вокруг головы. Некрасиво.

Отпрянув от окна, она сделала глубокий вдох. В следующий раз, когда она вздохнула, на ней была вся ее одежда. Остаться в номере Дада не намеревалась. Хорошо, что рядом с трупом людей еще не было. Шесть утра, пока и не рассвело толком.

Стараясь не смотреть на портье, она вышла на улицу и быстренько засемила прочь. Ее могут обвинить в убийстве.

В очередной раз ты, Даша, вляпалась в какое-то дерьмо.

* * *

Через неделю Дашке на радость выпал снег. Стало намного приятнее выходить во двор. Чище все вокруг, красивее. Воздух менее влажен, и переносить холод теперь куда проще.

Вытащив перед очередным променадом песцовую шубку (была и соболья, но это на парад), она надела ее на голое тело и стала задирать перед зеркалом ножки и так и сяк, представляя, будто соблазняет самчика. Получалось на загляденье хорошо. Она даже не поскупилась для себя самой на эпитет «великолепно». Покрасовавшись перед зеркалом, Дарья всерьез задумалась над тем, что пришла пора поменять ее нынешнюю «девятку» на «десятку» с двигателем «Рено». Говорили, неплохая штучка. Если брать со всеми наворотами, потянет тысяч на восемь долларов. Спрашивается, где взять такие деньги?

Мурлыкая под нос одно и то же: «Хочу баксы, хочу баксы, хочу баксы», она прошла в зал и включила семидесятипятисантиметрового друга по кличке «LG» с двумя тюнерами и функцией «картинка в картинке».

Поблуждав по каналам, ничего не нашла и решила пересмотреть хит всех проституток «Красотка» – сказка, что надо.

На часах не было еще и трех дня, а сюжет на экране не успел раскрутиться, когда в дверь позвонили.

Гостей она не ждала, этот адрес нигде и никогда не афишировала, клиентов сюда не возила. Кто же это тогда трезвонит и не дает спокойно жить людям, а? Кому нечем заняться?

Шубу она как надела, так и не снимала, в ней и пошла открывать.

Посмотрела в глазок.

Менты!!!

«Мать моя! Как такое может быть?!»

Делать нечего. Придется открыть. Она ни в чем не виновата, ей бояться нечего, закон на ее стороне. Может и не открыть, между прочим, это частная собственность, и без ордера им делать здесь нечего. А может, у них есть ордер? Фу-фу-фу, какая чушь.

В чем была, в том и пошла дверь отпираться.

На пороге стоял высокий, красивый, с румянцем на щеках старший лейтенант. Один. Больше никого.

– Гражданка Данилова?

– Она самая, здесь и прописана, – доложила Дарья, понимая, что перед ней мальчик, не более того. Можно и подурчиться.

– Я из милиции, разрешите войти? – Он невольно опустил глаза вниз.

Еще бы! Дарья дала ему конфетку – выставила абсолютно голую ножку так, что аж пола шубки приподнялась.

– Всем, кто из милиции, ко мне можно заходить, не спрашивая предварительного разрешения.

Она отошла в сторону, впуская нежданного гостя.

– Хорошо, я это запомню, – серьезно заметил молодой красивый, проходя в апартаменты.

– Заходите, заходите, кино не хотите посмотреть? – Она видела, что на мгновение он заинтересовался происходящим на экране.

Парень поглядел сурово, неласково.

– Где вы работаете?

– Вы что, участковый? – Она спросила об этом так, будто в следующую секунду собиралась вылить ему на голову помой.

Парень завелся, покраснел еще больше.

– Гражданка Данилова, я, старший лейтенант милиции Парусов Сергей Васильевич, пришел к вам домой для того, чтобы вы ответили на ряд вопросов. Если вы не намерены разговаривать, я приглашаю вас к себе, и немедленно – он полез в накладной карман синей форменной куртки, намереваясь достать оттуда какую-то бумажку.

– Не надо, не надо. Лучше я напою вас чаем. Разувайтесь, проходите.

Она чувствовала, что кровь в лейтенанте играет. Смотрит на нее, наверняка не отказался бы от такого сладкого пирожка.

Посадив милицию на кухне, она поставила на плиту чайник и скрылась в комнате, решив сменить шубу на халат.

Поняв, что она собирается исчезнуть с его глаз, лейтенант дернулся, но Дада успокоила его, заверив, что никуда не сбежит.

Дарья вошла в комнату и посмотрелась в зеркало.

«Рожа-то у тебя бледная, курица ты общипанная. Зачем он пришел? Что ему от меня надо?»

Скинула шубу, надела коротенький халатик и показалась на кухне. Пусть пялится – пока есть на что.

– Где вы были в ночь с шестнадцатого на семнадцатое ноября? – сухо спросил он.

Она забежала по кухне с чайничком в руках, делая вид, будто не расслышала вопрос.

– Я повторяю...

– Да, да, я просто вспоминаю, извините. – На самом деле этот Антон Ильич с его собственными мозгами на асфальте не шел из ее головы. И вот оно все к чему, к тому, что отсидеться в закутке ей не удастся.

Вспоминала она долго. Налила чай. Села за стол поближе к нему. Поясок так приослабила, что при любом ее жесте лейтенант, простите, старший лейтенант, мог видеть ее груди и венчавшие их соски. Играла с огнем, он мог и взбрыкнуть, а впрочем, этим она и жила.

– С шестнадцатого, как вы сказали, на семнадцатое я спала дома в своей постельке. Показать где? – Она поднялась с табурета и выразила готовность пройти из кухни в комнату.

– Зря ты дурачишься, Даша, – неожиданно по-простецки сказал Парусов. – Я возьму сейчас с тебя подписку о невыезде, – на этот раз он все-таки достал, уже из кителя, какой-то бланк и положил перед ней на стол. – Тебя видели в «Зеркальной» вместе с мужиком, которого несколько позже нашли на асфальте уже мертвым. Вылетел дядька из окна гостиничного номера, который снял для того, чтобы с тобой переспать. Я не знаю, может, это он на радостях, как думаешь? Мужчиной себя почувствовал. Или ты ему сказала, что не любишь?

Дарья теперь окончательно и бесповоротно поняла, что увязла в дерьме по самые сережки.

«И что теперь, на хер, делать? Я сама себя спрашиваю?»

– Ну, – она задержала воздух в груди, – раз уж мы, Серега, перешли на «ты», отвечу как есть. Трахнул он меня, причем прескверно, поковырялся, можно сказать. Уснули. Проснулась – окно открыто. В комнате дубильник, писать без подогрева, извини, не сядешь. Глянула я на улицу, а он там и лежит, на земельке-то, и знаешь, что удивительно, не шевелится. Я, естественно, ножки в сапожки и ходу. Было это, Серега, в шесть утра, точнее, без пяти.

– Значит, я так понял, ты его не убивала.

– Понял правильно, – одобрительно закивала она. – Чаек-то пей, товарищ старший лейтенант, остынет.

– Спасибо. А чего ушла? Раз не виновата. Неужели думала, что тебя не найдут?

– Да. Сомневалась я в возможностях нашей милиции. Зачем мне, простой российской девке, какие-то разбирательства? Я мечтала жить спокойно, но теперь, похоже, мне грозит тюрьма, да?

Она чувствовала, что сейчас сорвется. Дело-то хреновое, по-любому. Кто ей поверит? Кто? Понятное дело, она из-за денег выкинула мужика из окна. Или платить не хотел за услуги, или украсть что попыталась, а он вовремя заметил. Кобель-то был в годах, ростом невелик. Она вполне могла бы если уж не справиться, то оказать сопротивление.

– Стал бы я с тобой тут чай пить, – он отхлебнул на совесть приготовленный напиток, помолчал – играет на нервах, зараза, – если бы тебя обвиняли в убийстве. Все косвенные улики за тебя. В комнате порядок, следов борьбы не видно. Окно не разбито, а открыто. Курильщик довольствовался бы, на крайний случай, форточкой, но открывать полностью окно? Это нелогично. К тому же, скажу тебе прямо, дорогая Даша, что доказать факт убийства, если оно и было, уже невозможно.

– Вот этого не надо, – она отстранилась от него. – Вы даже, товарищ милиционер, и речи не заводите о такой возможности. Мне его убивать резону не было. Ни в каких криминальных делах я не замешана, живу всю свою жизнь спокойно, можно даже сказать, добропорядочно.

Он пропустил демагогию мимо ушей и продолжил излагать факты, которые, к слову сказать, были весьма интересны Дарье.

– При покойном, на беду, не оказалось никаких документов, хотя деньги мы нашли, сто долларов, немного, но все же. Значит, ты по его карманам не шуршала.

– Мне обидно, что вы меня считаете нечестным человеком. Я никогда ничего у людей из карманов без их на то разрешения не вынимаю. – Она продолжала разговаривать с ним несколько наигранно, но теперь, поняв, что ее в каталажку никто сажать не собирается, Дарья ерничала больше от радости за саму себя (похоже, вышла сухой из воды), нежели из-за того, что перед ней сидел молодой и симпатичный офицер.

– Работа у меня такая, можно сказать, ментовская, думать о людях либо плохо, либо никак. Вы уж, Дарья, простите.

– Ничего, ничего. – Она подлила ему еще, потому как в его чашке чая осталось на донышке.

– Так как вы сами не отрицаете факт своего присутствия в номере, то поступаете, с моей точки зрения, молодцом. Вот вам вопрос: «Как он вам представился?»

– Сказал, что его Антон Ильич зовут.

Лейтенант кивнул и записал имя-отчество себе в книжечку, затем передал ручку Дарье и попросил, чтобы она поставила свою подпись на бланке.

Данилова послушно выполнила указание и посмотрела на представителя власти изумрудными глазами, затянувшимися томной поволокой:

– Что же это мне теперь из города ни на шаг?

– Это ты правильно поняла, – он спрятал бумажку в карман. – Люди не всегда говорят все от начала и до конца, вдруг мне захочется с тобой еще раз побеседовать.

– А я пока вроде ничего и не сказала.

– А вот сейчас все и произойдет. Самоубийца не оставлял записку.

– Слушайте, – она прогнула спину словно кошка, а затем вернулась в прежнее положение. – Поставьте себя на мое место. Просыпаетесь вы утром, а окно открыто, и женщина, с которой вы просто пам-пара-рам, лежит внизу. Что вы будете делать? Правильно, соберете вещички и быстрее из номера! Я не занималась осмотром комнаты, честное слово.

– Придется поверить. Дело в том, что и при более тщательном осмотре никаких записок найти не удалось, значит, ее и не было. Теперь расскажите мне все с самого начала: как познакомились и так далее.

Она пожала плечами, запустила пятерню в волосы и в задумчивости посмотрела на календарь, висящий на стене. Симпатичные щеночки сенбернара, забавно разевая пасти, смотрели на нее с цветного плаката.

– Сегодня двадцать четвертое, – будто в прострации произнесла она.

– Да, – поспешил подтвердить лейтенант, надеясь, что свидетельница вспоминает. На самом деле Дарья вспомнила, что забила стрелку с подругой на четыре вечера.

– Рассказывать-то нечего. Познакомились в ресторане «Золотая грива», можете проверить, мы там были. Покушали, поехали в гостиницу. Он показался мне приличным господином.

– Костюм на нем был дорогой. Опять же, почему он не выпрыгнул от вас в трусах, а оделся и только после этого решил проверить, умеет ли он летать, а?

– Не знаю, вы следовательно, вам и ответы находить.

– Но вы не слышали, как он одевался?

– Нет.

– Что необычно, правда. Ведь женщины спят намного более чутко, нежели мужчины.

– Я выпила бутылку шампанского. В связи с этим не думаю, что мой сон был неглубоким.

– Во сколько вы проснулись?

– Было почти шесть. Можно спросить, а его полет никто не видел?

– Нет. Свидетелей мы не нашли. Кроме вас.

– Но я все проспала.

– Вы последняя, кто видел Антона Ильича живым. И я очень рад, что нам удалось разыскать вас.

– А как?

Он посмотрел на нее, будто только сейчас увидел.

– Секрет фирмы, – поднялся, одернул форму, – значит, все проспали. Тоже неплохо. Похоже, мужик на самом деле свел счеты с жизнью.

– Вы меня куда не заберете? – на этот раз серьезно и без тени ехидства спросила Дарья.

– В этом нет необходимости, – он уже собрался было выйти на лестничную клетку, но затем повернулся и добавил: – Тюрьмы и так переполнены.

Дарья закрыла за гостем дверь и, прислонившись к мягкой обивке из кожзаменителя, медленно осела на пол и тихонько-тихонько заплакала.

Она довольно быстро пришла в себя, направилась в ванную, умылась, расчесала волосы и, взглянув на себя в зеркало, улыбнулась. Кто знал, что он бросится вниз? Никто.

* * *

Надев песцовую шубку, в которой не так давно таскалась по дому, она вышла на улицу, только теперь на ней, в отличие от домашнего варианта, были надеты еще и черные джинсы, сапоги-ботфорты да теплый мягкий свитер. Замерзнуть в таком наряде даже при нулевой температуре было тяжело.

Распахнув двери кафе «Бургерс роял», Дарья вошла внутрь и огляделась по сторонам. Столики пустые были, а вот подружки ее, Лизочки, нигде не видать. Взглянув на миниатюрные часики, Дада призналась самой себе, что опоздала на пять минут. На сколько опоздает рыженькая Лизочка, она представления не имела.

Заказав себе биг-мак и маленький стаканчик кока-колы, Дарья села за свободный столик и стала лениво пережевывать пищу для народа, мечтая о перепелах с жареными грибочками и желательно без картошки.

Подружка появилась только через двадцать минут, когда терпение Дарьи было на пределе и она готова была лопнуть от злости на Лизочку, назначающую свидание и не приходящую вовремя.

Но, как это часто бывает, в тот момент, когда видим все же дошедшего до нас человека, мы забываем о тех стрелах, которые готовы выпустить в его адрес, и до помутнения сознания рады общаться с тем, кого минуту назад хотели разорвать на куски.

– Привет, Дада, извини, меня кавалер отпускать не хотел.

Дарья глянула на подругу с улыбкой.

– Ну хоть не зря ты вокруг него крутилась?

– Под ним, под ним, дорогая, – прошептала на ухо Лизочка. – Что едим?

– Ты знаешь, я, наверное, все, что хотела, уже съела здесь.

Рыжая толстополая девица вздохнула.

– У меня на твои запросы денег не хватит. Если хочешь куда-нибудь перебраться, будешь выступать в качестве спонсора.

– При условии, если тебе есть что рассказать. Как там насчет последних сплетен по городу Саратову?

– О! – воскликнула рыжая. – Этого у меня полон подол.

– Тогда давай переберемся в казино на набережной. – Дарья посмотрела на свитер с вышивкой, довольно дорогой. – Неприлично появляться в ресторане так вот, почти по-колхозному, но ведь не выгонят. Ты как одета?

Лизочка выпятила нижнюю губу.

– Ладно, пошли. Может, сегодня мне немного улыбнется удача.

Дарья вспомнила о визите лейтенанта и стала сомневаться в плодотворности наступающего вечера. Не везло, считай, с самого утра, какого же ей ждать продолжения?

Игорное заведение только открылось, и публика еще не подъехала. Но это только плюс, за стойкой просторно, да и в ресторане столиков свободных предостаточно.

– Ты будешь играть? – спросила Лизочка.

– Пойдем, пойдем, – Дарья подтолкнула ее в сторону ресторана, – знаю, что есть хочешь.

Перепелов в меню не оказалось. Зато был осетр. Дарья видела цену, но не могла отказать себе в двойном удовольствии. Во-первых, пустить пыль в глаза подруге, а уж во-вторых, хорошо покушать.

Когда им принесли небольшую, килограмма на два, рыбку, у Лизочки от восторга замерло дыхание.

– По-королевски! Что празднуем?

– Ничего, – безразлично ответила Данилова, – снимаем нервный стресс. Ты время не теряй, давай рассказывай, что там у тебя накопилось.

Лизочка навалила себе в тарелку рыбы, полила всю ее белым соусом и лишь после этого раскрыла рот.

– Ну, самую громкую новость последних дней, я думаю, ты слышала.

Дарья не стала скрывать, что за эту неделю она вообще ничего не видела и не слышала, что ей на все было наплевать.

– Как же, по бартеру за зерно область снова получит красную рыбу. Быки уже рынки делят. Это ж не просто так, скоро Новый год. Говорят, двоих авторитетов под это дело уже убрали.

– Да ты что? – Дарья почувствовала, как к ней вернулся аппетит, перебитый биг-маком, и она подключилась к Лизочке, которая умудрялась и языком молотить, и зубами тоже работать.

– Но это все высшие сферы. У нас открылся новый бутик. Тряпки там все итальянские. Выбрать есть из чего.

– Что предлагают?

– Джинсы, потом какие-то майки, теплые свитера, сейчас как раз сезон, и что-то из кожи: перчатки, ремни мужикам. Самое интересное там – это цены. Боже мой! Точно такую же тряпку я куплю на базаре в сорок раз дешевле. Кто там будет покупать, я не знаю.

«Зато я знаю, – подумала Дарья. – Они то на „Ниссанах“ ездят, то из окон выпадают».

Заболтавшись, обе не заметили, как к ним подошел мужчина. Опомнились только тогда, когда он встал около столика. Замолчали.

– Можно мне с вами поговорить? – вежливо спросил высокий бритый налысо тип, облаченный в черный однобортный костюм. Физиономия у него была настолько широка, что отказать ему мог либо очень смелый, либо очень наглый человек.

– Мы обедаем, вы не видите? – Интонацию, с которой задала вопрос Дарья, никак нельзя было назвать любезной.

– Вижу, но поговорить надо, пусть подруга пойдет погуляет.

Рожу у него была гладко выбрита, от самого приятно пахло дорогой туалетной водой. Судя по здоровому цвету кожи лица, он скорее всего никогда не курил, а пил так же редко, как выпадает град. Брюнет, крепкий, Дарья сказала бы, даже могучий, навис над ней, будто орел над курицей.

Дарья оставила рыбу и оглядела зал. Парочка крепких парней дежурила на входе. Они не сводили с нее глаз, давая понять, что в курсе происходящего.

– Я позову охрану, – выдавила испуганно Лизочка.

– Не надо, – одернула Дарья. – Иди домой, завтра созвонимся.

– Как скажешь. – Подруга быстро поднялась и ушла, оставив Дарью наедине с мужчиной неинтеллигентного вида.

Он сел на место Лизочки, отставил ее тарелку в сторону и положил большие крепкие ладони на стол.

На правом среднем пальце Дарья увидела золотую массивную печатку – ничего особенного, просто весит она много, соответственно и стоит.

– Ты та самая?

Она посмотрела на него, не зная, чего ожидать дальше, если с самого начала задают неопределенные вопросы.

Знакомо: вначале тебе мотают нервы и лишь затем говорят о сути.

– Ты о чем? – Она через силу заставила себя есть и продолжать трапезу, не обращая внимания на его наглое поведение.

– О том мужике, которого ты выбросила из окна.

Кусок едва не застрял у нее в горле, она поспешила протянуть руку за водичкой, чтобы не было проблем с проглатыванием пищи.

«Подумать только! В один и тот же день ей задают одни и те же вопросы и менты, и какие-то здоровые лбы, и ни тех, ни других она раньше никогда не видела».

– Вежливые господа представляются в начале разговора, – напомнила Дарья своему собеседнику.

– Валера, – не смутившись, произнес он. – Так как насчет мужика? За что ты его?

– Никого я не спихивала, оставь меня, Валерик, в покое.

– Поехали, – скомандовал он, поднимаясь, – и не вздумай дергаться. Рожу попорчу.

Протестовать и сопротивляться в таких случаях можно, но это если здоровья много. А если у вашего собеседника его больше и он не один?

– Мы можем и здесь поговорить. Я расскажу все, что ты хочешь.

– Боишься, – он показал белые здоровые зубы и сел на место. – Правильно делаешь. Значит, сейчас ты мне все расскажешь. Или я ошибаюсь?

Дарья понимала, что перед ней не сотрудник милиции, и закон ему руки и другие части мужского тела не сковывает.

– Хорошо, спрашивайте.

– Вот я и спрашиваю: зачем ты его из окна выпихнула?

Дарья больше не пыталась ковыряться в тарелке.

– Послушай, я спала и ничего не видела.

– Ничего не видела, ничего не знаю! Так дело не пойдет. Мне что, придется тебя затрахать до смерти, чтобы ты мне все рассказала? Вон ребята у двери стоят, они в случае чего с удовольствием помогут.

Дарья на своей шкуре испытала, что такое групповое изнасилование, и заново проходить пройденное ей не хотелось.

– Но я на самом деле не могу вам ничего сказать.

– Сколько ты взяла с него? – наконец задал легкий вопрос Валера.

– Шестьсот, – не рискнула врать Дарья.

Она понимала, что некто вложил ее с потрохами и ментам, и быкам, но кто? Как ее в один день нашли и те, и другие? Совпадение? Может, и так.

– Хорошо живешь, наверное.

– Не жалуюсь. Лишних приключений не ищу.

– Ты забыла добавить: «на свою жопу», но это не важно. Он жаловался тебе на жизнь?

– Нет.

– Он говорил, что теперь у него много денег?

– Нет.

– «Нет, нет», – передразнил он, – так дело не пойдет. Может, все-таки съездим, а? Я тебя быстро в порядок приведу, ты мне все расскажешь.

– Я дала подписку о невыезде.

– Что? – он подпрыгнул на стуле, затем слегка перегнулся к ней через стол. – У тебя были менты?

– Сегодня приходил один. Заставил расписаться и ушел.

– Что ты ему рассказала?

– Да ничего, ничего я не знаю.

– Про джип говорила что-нибудь?

И это им известно! Товарищ старший лейтенант ни о чем таком и не обмолвился.

– Ни о каких машинах мент не спрашивал. А сама я лишний раз рот не разеваю.

– Врешь ты все, да, Даша? Все ты знаешь.

Таких тупых по жизни она еще не встречала.

– Слушай, отстань, а? Дай пожрать спокойно.

– О, зачем так грубо, грубить – моя привилегия. – Он встал, схватил ее за плечо, буквально выдернул из-за стола и повел к двери.

Она больше не упиралась, только забрала в гардеробе шубу, после чего позволила усадить себя в «БМВ» и везти в неизвестном направлении.

За руль сел один из тех, кто стоял у двери, крепыш с бычьей шеей, другой, пожиже, со здоровенным шрамом на щеке, сел рядом с ним, а Валера уселся с ней на заднее сиденье.

Она, естественно, промолчала, что приехала в казино на своей «девятке», не ровен час еще машину отожмут, а так как по жизни она сама себе голова, заступаться за нее будет некому.

Катили недолго. Она не удивлялась уже ничему, хотя бы тому, что Валера принялся ее щупать. Сидела тихо, не пискнула, даже когда туда полез. Осталась холодной, как ледышка, и вскоре он сам отстал. Понял, что его не жалуют.

Подвезли к ее собственному дому, только подъездом ошиблись. На поверку оказалось, что подъехали абсолютно верно, оказывается, она купила себе квартиру в том же доме, что у Валеры.

Люди с туманным настоящим завели ее в двухкомнатную квартиру на шестом этаже, посадили на диванчик на кухне.

Водила и парень со шрамом вышли, оставив Дарью со старшим наедине.

Он сел перед ней на табурет, положил одну ногу на другую и скрестил на колене пальцы рук.

– Говорить будем?

Дарья ужасно нервничала. Могут ведь не только изнасиловать, могут и здоровья лишить. На коленях у нее лежала сумочка, которую пока не удосужились отыскать, там был баллончик со слезоточивым газом, но поможет он или нет – неизвестно. Слишком много народу придется зараз отравить.

Она опустила глаза вниз на сумочку, и этого оказалось достаточно для того, чтобы он выхватил сумочку из рук и вытряхнул все содержимое на стол.

Увидев среди губнушек, зеркальца, румян, носовых платков еще и баллон с дрянью, Валера посмотрел на нее и прищурился:

– Носишь для самообороны? Молодец, плохих людей надо остерегаться и в случае чего дать им отпор. Ты меня боишься?

– Может, я пойду, а? Ты меня достал.

Он стремительно подошел и хлестко ударил ее по лицу.

– Заткнись, поблядушка! Давай рассказывай, где ты подцепила Технаря.

Бык поздно понял, что брякнул лишнего. Неудача только подхлестнула его, и он ударил Дарью снова.

– Не молчи, сука.

Она рассказала ему все как было, не упустив ничего, начиная с того момента, как стояла и мерзла около универсама.

– Он говорил тебе что-нибудь о деньгах?

Боясь говорить «нет», Дарья просто покачала головой, ожидая очередного удара, но его не последовало.

– Иди отсюда и на глаза не попадайся.

Она сгрэбла барахло в сумочку, пулей вылетела на лестничную клетку и, спустившись на два пролета вниз, вытащила зеркальце. Из-за того, что на пальце у него была печатка, кожу

содрал ей на щеках, скотина. Она промокнула выступившую кровь платочком и поспешила убраться к себе.

Может ли она теперь спокойно жить с ним в одном доме?

Ввалившись к себе, Дарья первым делом занялась лицом. С поганой физиономией хорошо жить не будешь. Промыла ранки, смазала дорогой отечественной мазью, которая гарантировала быстрое заживление, после чего поставила чайник и схватилась за телефон.

На счастье, мама была уже дома.

– Дочка! – воскликнула Нина Ивановна. – Ты откуда звонишь?

– Да от себя, мам.

– Что случилось? – Мать по интонации дочери сразу почувствовала неладное.

– Ничего, – Дарья отстранила от себя трубку и шмыгнула носом. – Все нормально, просто устала очень, а у тебя-то как?

– А что у меня, доченька, может быть нового? Работаю каждый день.

– Деньги есть у тебя? – На месяц матери требовалось столько же, сколько Дарья спускала за три дня.

– Не надо ничего, дочка, ты молодая, тебе больше надо. За стиральную машину вот в который раз хочу сказать «спасибо». Только что стирать-то в ней? Ты замуж не собралась?

Дарья никогда раньше не слышала, чтобы мать напрямую задавала этот вполне естественный вопрос.

– Мама, да куда мне. И не нашла я еще.

Нина Ивановна на другом конце провода вздохнула.

– Может, плохо ищешь, дочка?

Вообще-то Дарья собиралась поскулить о своей нелегкой жизни, а тут ей просто-напросто выговаривают за ее несерьезное существование. Это ж не дело.

– Мам, послушай, я просто так позвонила.

– Перестань врать, дочка, просто так ты никогда не позвонишь. Говори уж, что случилось, куда ты у меня опять вдрязгалась.

– Я? – Дарья попробовала изобразить удивление, но после того, как ее отмордовал Валера, у нее это плохо получалось. – Я просто вспомнила, что уже давно тебя не видела.

– Может, приедешь? – Надежды в голосе Нины Ивановны было так много, что Дарья не могла отказать.

– Конечно. – Потом вспомнила про оцарапанную и слегка распухшую физиономию и поспешила добавить: – Только давай через недельку, ладно?

– Хорошо, – согласилась мать.

Дарья почувствовала, что она обиделась.

– Ты только не обижайся, я обязательно приеду.

Дарья повесила трубку и подошла к окну. На улице снова шел снег, но теперь он не таял, а, накапливаясь в кучки, постепенно покрывал землю и асфальт.

На улице стемнело, только свет соседних окон рассеивал тьму. Она выключила люстру в комнате и стала смотреть на мириады снежинок, медленно оседающих на землю. Начиналась зима, суровое время, когда на улице холодно и лишних пять минут не постоишь в чулочках, не рискуя подхватить какую-нибудь болячку.

Оторвавшись от неземной красоты, она вспомнила, что на машине пора менять резину на шипованную, иначе через неделю по городу невозможно будет ездить.

Следующие пять дней Дарья сидела дома, пила кофе и смотрела видео. Никуда не выходила, с подругами не общалась, на телефонные звонки отвечала всем, но отказывалась куда-либо выходить, ссылаясь то на болезнь, то на необходимость быть в то же время совсем в другом месте.

Лишь без визита Лизочки дело не обошлось. Она не утруждала себя предварительными звонками и являлась тогда, когда ей вздумается. Появилась в девять утра, день спустя после обеда в ресторане. Дарья могла бы и не открывать, но это было бы не по-товарищески.

Увидев отметины, оставленные быком, Лизочка с жалостью и грустью посмотрела на подругу.

– Как же это ты так?

– Можно сказать, что все кончилось хорошо, – совершенно искренне ответила Дарья. – Просто я в ненужное время оказалась в ненужном месте.

Они сидели, пили чай с пирожными и болтали часа три. Потом Лизочка ушла разносить по всему городу последние новости, а Дарья поймала себя на мысли о том, что идея снимать мужиков, у которых есть шикарные тачки, не покинула ее и постоянно то уходит вглубь, то снова выныривает на поверхность.

Дарья обижалась, когда ее принимали за проститутку. Она не ложилась под каждого, кто помашет перед ее носом деньгами. Она предпочитала выбирать себе мужчину. Завести знакомство, получить порцию романтики куда приятнее, нежели бездумно раздвигать ноги.

То, что девочки, работающие на улицах, не обходят вниманием состоятельных господ, она понимала, но может ли кто-нибудь из них сравниться с ней по фигуре, шарму – да ни в жисть!

Кроме того, она никогда не приставала к мужчинам, разве только иногда помогала им словом: спрашивала, как пройти туда-то, или же телом: господа реагировали на жест или глубокое декольте, или на выставленную ножку и, конечно же, на томный взгляд бездонных зеленых глаз.

Тридцать первого ноября вечером она сидела дома, пила чай и смотрела в окно. На улице лежал снег. Он был белый, пушистый, свеженький – только что выпавший и не успевший слежаться.

Морозец. На градуснике минус пять, а в квартире плюс двадцать два – красота. Она уже давно не появлялась на улице, не захлебывалась свежим воздухом. Ранки на лице зажили, отек спал, она вновь была прежней Дарьей Даниловой, такой, какой привыкли видеть ее друзья и знакомые.

Она допила чай, посмотрела на собственное отражение в окне и нашла себя затюканной четырьмя стенами. Выражение лица флегматичное, волосы нечесаны, глазки не подведены. Завтра первое декабря, пятница. Встречать календарную зиму она намеревалась на улице.

Дарья решила лечь спать пораньше, чтобы, проснувшись, с новыми силами с головой броситься в круговорот современной жизни.

* * *

Рано утром, не было еще и одиннадцати, она вышла из своего подъезда, села за руль «переобутой» к тому времени «девятки» и решила первым делом отправиться в ресторан. Давно она не выползала в свет. Ей было просто необходимо почувствовать себя женщиной, хотелось мужских алчных взглядов, хорошего спиртного и красивого интерьера.

Она выбрала «Затерянный остров» – небольшой ресторанчик в центре города, где преобладала азиатская кухня. Отделан он был в восточном стиле, но сидеть, скрестив ноги, не приходилось. Маленькие красные столики с горящими желтенькими фонариками, полотна бумаги на стенах с непонятными для россиянина иероглифами, резные колонны, расписанные красным, желтым и зеленым, причудливые дракончики – все это создавало атмосферу жгучего Востока.

Дарья заказала себе форель и парочку салатов. Стоило дорого, а принесли аккуратно ей одной покушать. Вздыхнув, она уткнулась в тарелку и принялась за свой завтрак. Когда одна из двух рыбок была съедена, Дада опомнилась и посмотрела по сторонам.

К удовлетворению Дарьи, на нее пялилась не одна пара мужских глаз. Кто подойдет к ней? Вон тот, что справа, в очках, небольшого росточка, но очень прилично одетый господинчик, или плотный, мордатый, задорно поглощающий лапшу мужик? Несмотря на то, что он был в костюме, впечатление о нем у Дарьи все равно сложилось как о крестьянине. Хоть он на себя наденет расшитую золотом парчу, все равно останется простаком, физиономию не переделаешь. Был еще один длинный, худой, интеллигентного вида, поглядывал украдкой, затем снова опускал глаза в фужер, который не выпускал из рук. Все трое без женщин, и каждому ой как хочется познакомиться с ней.

Пусть мучаются, кому больше всех приспичит, тот и подойдет, но самой Дарье хотелось, чтобы это был высокий интеллигент. Она оделась неброско, по-деловому. Можно было подумать, что сюда она забежала просто перекусить, и ей опять необходимо бежать дальше, обделывать свои дела-делишки.

Она лениво поковырялась в салате, основу которого составляли какие-то длинненькие зеленые палочки. Он показался ей невкусным, а насиловать себя, запихивая внутрь то, что ей не нравится, она не собиралась.

Пришло время уходить, ни один из трех кавалеров так свое место и не оставил. Стесняются, ну пусть стесняются дальше, а она пошла.

Он чуть не сбил ее с ног, когда она открывала дверцу своей машины.

– Извини, – бросил на ходу плечистый брюнет в дубленке нараспашку.

– И все?! – вызывающе бросила она ему вслед, после того как восстановила равновесие.

Он повернулся. Волосы зачесаны назад. На всеобщее обозрение выставлен огромный лоб с мощными надбровными дугами. Нижняя челюсть настолько массивна, что кажется, будто она лежит у него на груди. Шеи почти нет, мясистый прямой нос, плотно сжатые губы, не желающие улыбаться, горящие огнем черные глаза.

– Что тебе еще нужно?

Секунды летели одна за другой, и Дарья видела, как его суровое лицо разглаживается, приобретает более мягкие, приятные черты. Злость его очень быстро испарилась, осталось только любопытство.

Она промолчала, не стала больше ничего говорить, просто села в машину, делая вид, что очень скоро ее здесь не будет.

Грубиян замер посреди дороги между стоянкой и входом в ресторан и некоторое время решал что-то своей большой головой, затем двинулся с места и пошел к белым «Жигулям», двигатель которых уже был запущен.

Он наклонился к самому стеклу и громко, так, чтобы было слышно в салоне, произнес:

– Извините, я засмотрелся.

Она барабанила наманикюренными пальчиками по баранке, смотря прямо перед собой и делая вид, что его не простили.

– Не хотите пообедать?

Она смиловилась, опустила стекло и четко произнесла:

– В следующий раз смотрите прямо перед собой, а не по сторонам. Что касается вашего предложения, то в этом ресторане я уже была.

– Можно пойти в другой.

– Да? – словно в недоумении произнесла она. – И куда же?

Дарья продолжала сердиться на него, но делала это скорее по инерции, нежели всерьез.

Его глаза на мгновение снова стали злыми и отталкивающими, но затем буря улеглась.

– Вы называете место и время, я финансирую мероприятие.

Он положил руку на край все еще опущенного стекла, и Дарья увидела обручальное кольцо.

– Вы женатый человек, зачем мне это нужно?

Он посмотрел на кольцо, словно на досадное недоразумение, и поднял брови вверх, одновременно выпячивая нижнюю губу.

– Мы уже давно не живем вместе. Можете считать, что я в разводе. К тому же я вижу перед собой большую девочку, а для больших девочек брак не должен быть препятствием, особенно в наши дни.

Он уговаривал ее, и это было распрекрасненько.

Дарья закатила глаза.

– Сегодня в семь тридцать вечера я буду в казино «Бригантина», это на Волге.

– Меня зовут Андрей, а вас?

– Даша.

Больше разговаривать ей с ним было не о чем. Он в нее так сильно врезался, что у нее до сих пор болел бок.

«Здоровяк неуклюжий, не может поосторожнее передвигаться».

Она отпустила тормоза и укатила, радуясь тому, что, может быть, очень скоро с деньгами у нее все будет в порядке. Дубленка на Андрее тянула не на одну тысячу рублей.

«Бригантина» была одним из приличных заведений, где были и бар, и ресторан, и казино, и даже бильярд.

Для того, чтобы произвести на своего нового ухажера впечатление, она приложила максимум усилий. В результате чего по всей квартире были разбросаны тряпки из двух шифоньеров, по столам и тумбам громоздились многочисленные серьги, цепочки, камешки, заколки и прочая женская дребедень.

В половине восьмого она все еще была дома. Дарья крутилась перед зеркалом, примеряя различные комплекты ювелирных украшений. Ей то цвет не нравился, под светло-коричневое теплое платье не подходил, то форма не устраивала: серьги или слишком большие, или слишком маленькие.

Без пятнадцати восемь она уже кривила губки, но все же натягивала сапоги.

– Дура, – отчитывала она сама себя, – надела бы костюм, который напялила утром, и никаких проблем.

Ровно на час позже она вошла в игровой зал, с удовлетворением замечая, что на нее обратили внимание. Если мужики пялятся, значит, все нормально, можно рассчитывать на успех и у своего кавалера.

Она огляделась. Андрея нигде видно не было.

«Может, подождал и ушел. А если и так, то ждать от него финансовых вливаний нечего».

Подошла к стойке и заказала себе бокал шампанского. Скучая, просидела почти пять минут, прежде чем появился он.

– Привет, – услышала она за спиной уже знакомый голос и повернулась. – Давно сидишь?

Он был красный как рак, то ли бежал, то ли еще что. Но по нему было видно, что он считал себя второй раз на дню виноватым и опоздавшим. Его огромный, как показалось Дарье при первой встрече, подбородок стал намного меньше и незначительнее.

Она приподняла чуть вверх полупустой бокал.

– Целый час, дорогой, я уже почти бутылку выпить успела.

Он впал в еще большее смущение.

– Хорошо, что ты еще не ушла.

– Я знаю, – вяло протянула она, – я хорошая девочка, а вот ты хоть и взрослый мальчик, Андрей, но плохой.

Выражение его лица изменилось, и Дарья поняла, что перегнула палку.

Вот сейчас он развернется и уйдет. Что тогда? Пришлось быстренько замять собственное возмущение:

– Как плохой мальчик собирается искупать свою вину?

Он сглотнул слюну, усвоив задание, и оглядел зал.

– Можем попытать счастья в игре.

– Да, и сколько ты хочешь поставить? – с явным интересом спросила она.

– Долларов сто потратим, а что? – На его лице снова отразилась озабоченность.

«Это скорее всего оттого, что он никак не может мне угодить».

– Лучше отдай их мне и пойдем набивать желудки. Хочешь верь, а хочешь нет, я целую неделю сидела на печенье и чае и соскучилась по нормальной пище.

– Да. И для этого пошла в китайский ресторан.

– А ты намного умнее, чем я думала.

– Если бы, – огорченно бросил он, сгибая локоть и предлагая взять его под руку. – У умных машины не воруют.

Она была удивлена.

– Ты поэтому опоздал?

– Нет, не поэтому. Машину украли неделю назад. Я сидел в ментовке и по сто сорок пятому разу просил, чтобы козлы взялись за дело. Машин таких в России, может, штук двести-триста, ну, может, пятьсот. Мне, как и всякому владельцу иномарки, хотелось верить, что тачка у меня уникальная.

– Бедняжка. – Она погладила его по руке, на которой уже не было никаких колец.

Дарья подумала, что они хорошо смотрятся со стороны. Она в светло-коричневом расшитом платье и он – в сером костюме, белой рубашке и серой бабочке.

Уже за ужином она призналась ему, что сама пришла всего на пять минут раньше. Появился повод немного посмеяться и подшутить друг над другом.

У Андрея была своя фирма. Занимался он, как и многие в Саратове, зерном, хорошо зарабатывал и в этом году купил себе «Мерседес-G500», тачку, по его словам, дорогую не только для России, но и для Европы.

– Может, я ненормальный, но я вложил в нее четвертую часть всех денег, которые у меня были.

Дарья не заметила, что кончик языка у нее высунулся наружу. «Мерседес» – это звучит. Кроме того, какой-то «пятисотый», не «шестисотый», но все же, наверное, весьма приличная машина.

– Новую брал? – Дарья и не пыталась скрыть, что проявляет к этому делу повышенный интерес. Деньги все-таки. Кроме того, на подержанные автомобили цена может быть во много раз ниже.

Ей показалось, что он даже несколько обиделся.

– Мужчины всегда подсознательно хотят, чтобы все женщины, которые встретились им на жизненном пути, были нетронутыми, поэтому я взял новую. Наверное, тебе интересно знать, сколько я за нее заплатил?

Он заказал себе водки и сейчас пропустил уже рюмочку пятую, а может, и шестую, Дарья не считала, но видела, что мужик напивается. Чем больше он пил, тем длиннее становился у него язык, и его тянуло рассказать, что да как.

– Два месяца назад я снарядился в Москву, зашел в один из автосалонов, ткнул пальцем в самую дорогую тачку, что у них была, и сказал: «Хочу». Ты понимаешь, у него триста пятьдесят лошадок под капотом, это ж не просто так. Мне поставили внутрь навигационную спутниковую систему, защитили кевларом днище. Я взял черную машину с черным салоном. Смотрелось... это надо было видеть. – Он выпил еще и посмотрел сквозь пьяный туман на Дарью. – А теперь я сижу и пью с красивой девушкой. Ты, наверное, очень хочешь знать, сколько стоила моя машина? Я тебе скажу, – он наклонился к ней и одними губами произнес: – Со всеми наворотами... сто тридцать пять.

Мысли у Дарьи в голове завертелись, закружились, словно вьюга. Она никак не могла сообразить, может, от того, что сама немного выпила, чего сто тридцать пять. Тысяч рублей? Или тысяч долларов, или дойче марок. Если рублей, то слишком дешево за «Мерседес», если долларов, то... нет, ну это же очень дорого.

– Сколько? – Вопросительное словечко само собой соскользнуло с языка.

– Я же тебе сказал, сто тридцать пять тысяч долларов.

Она почувствовала себя нехорошо. Четвертая часть состояния, значит, сидящий перед ней мужчина, которому от силы тридцать пять, стоит... четыреста двадцать тысяч долларов! То есть стоил, поправила она себя. Но триста тысяч – это тоже деньги.

– И что ты теперь будешь делать?

– Не знаю, – он стал ковырять вилкой в банальном оливье. – Братве я сказал, но они не торопятся и мурыжат мне мозги. Забрали пять штук на расходы, и вот уже прошла неделя, а они носу не кажут. Я все это пока переварить не могу. Ей-богу, дело отвратительное. Поверишь ли, ходил в церковь, ставил свечку. Батюшке дал, чтобы он за меня помолился, он-то ближе к небесам.

– И как же ее у тебя тиснули?

– Вот не знаю как. Там такая система противоугонки. Без меня машину с места не сдвинешь. В чудеса я не верю, но тот, кто ее угнал, профи, настоящий профи, это без всяких там. Хотя я ему при встрече башку бы свернул, – он отправил в рот очередную порцию алкоголя. – Ты уж извини меня, Дарья, может, это я потому и не вижу, куда иду, что у меня такую машину украли.

– И давно ты так горюешь? – Она видела, что мужику уже хватит и надо его отсюда вытаскивать.

– Каждый вечер, мать.

Данилова огляделась по сторонам, похоже, их беседа никого не интересовала, и это хорошо. А вот помощи ей ждать неоткуда, что намного хуже.

– Ты на машине?

– Угу, – прогудел он.

– Впрочем, не важно, поедem на моей. Не «Мерседес», но четыре колеса имеются.

– Я, кажется, опять напился, – промямлил он, подымаясь со своего места не без помощи Дарьи.

– Это точно, – подтвердила она, ногой отодвигая с дороги стул.

* * *

В десять утра, второго числа, в субботу, он открыл глаза и спросил ее, где он.

Дарья объяснила, что они у нее дома уже со вчерашнего вечера, что в папу-маму не играли и если он все еще девственник, то таковым и остался.

Андрей переварил информацию и кое-как сел на диване.

– Хм, – он посмотрел на семейные трусы, затем поднял глаза на Данилову. – Мы в казино вчера выиграли что-нибудь?

– Выиграли, выиграли, – она стояла перед ним руки в бока, – ты меня, а я тебя. Бегом в душ, солдат экономического фронта.

– А ты? – В его глазах снова появилась жизнь.

– А я уже там была.

Подыскав ему в гардеробе один из своих свитеров, она попросила его одеться, когда он вышел из душа.

– Нет уж, – запротестовал Андрей, разглядывая рюшечки и бирюшечки, – я уж лучше в трусах похожу.

– Как хочешь. – Она усадила его на тот самый табурет, на котором неделю назад сидел лейтенант милиции. Заварила все тот же чай и налила ему огромный бокал.

Он почесал мощную волосатую грудь и скривил рот на одну сторону.

– Надо бы похмелиться, хозяйка.

– Ничего, чайку попьешь. Хватит тебе пить, а так не то что машину не найдешь, скоро и себя потеряешь.

– Да, – легко согласился он. – Сегодня суббота, и мне надо в офис.

Дарья сняла со стены трубку беспроводного телефона.

– Звони, говори, что не придешь.

– И что дальше?

– Дальше поедем машину искать или ты что-то против имеешь?

Он улыбнулся.

– Частное расследование в большой деревне. Ты думаешь, я не понимаю, что меня все кинули – и братва, и менты? В нашем городе такую тачку не спрячешь, мимо драного постового не проедешь, чтобы он не обратил на нее внимание. Просто никто ничего не хочет искать. Ее нельзя поставить в отстой. Ее нельзя просто так перегнать из города в город и продать. Это не иголка в стоге сена. Единственное, можно пустить ее на запчасти, но кому они могут понадобиться в городе, где такая машина всего одна?

– А может, их две, а ты об этом ничего не знаешь?

Он сделал большой глоток и уставился мимо нее в окно.

– Я не знаю, у кого в городе какие тачки?! Ну ты, блин, сказала!..

– Трезвей, Андрюша, трезвей. Давай вначале съездим к братве. Послушаем, что они нам, точнее тебе, скажут.

– Я был у них вчера, ничего они не скажут. Сделай бутерброд, я есть захотел.

Она вытаращила на него глаза.

– Встань да сделай. Я тебе в прислуги не нанималась.

Он, словно у себя дома, подошел к холодильнику, оценил его содержимое, высказал вслух мысль о том, что поесть она любит, вытащил на свет батон вареной колбасы, несколько кусочков плавленого сыра «Viola», сливочное масло, сыр и початую баночку красной икры.

– Батон в правом верхнем шкафу, – подсказала Дарья.

– А он мне не нужен. Я буду мазать на колбасу.

– А не пошел бы ты отсюда.

Он замер посреди кухни, раздумывая над тем, что услышал.

– Я не виноват, что не люблю хлеб.

Дарья поняла, что ссориться с ней он не хотел.

– Наверное, забыл, когда в последний раз был голодный.

– Это точно, но не помню такого вечера, чтобы не уставал, как собака. И не надо делать из меня зажравшегося борова. Я просто оказался в нужное время в нужном месте, вот и все. Ты знаешь, что такое было семь лет назад убедить председателя колхоза продавать зерно не государству, а частной фирме? Сейчас-то они все прочухали, что и куда выгоднее, а тогда этого не было. Все шарахались друг друга, боялись, что кинут – и ищи потом ветра в поле.

– Ну в худшую сторону на тебе битвы за урожай, а точнее за его сбыт, не отразились.

Он довольно гугукнул и засунул себе в рот первое колбасно-масло-сырно-икорное произведение.

– И большой вы пирог делите с братьями-бизнесменами?

Он почесал ногу и небрежно бросил:

– Два миллиона тонн каждый год. И они мне не братья, а совсем наоборот.

– Вот видишь, какой ты крутой, всех врагов под себя подмял, дорогую машину купил. И у такого крутого взяли и украли эту тачку. Как деньги сделать на зерне, ты можешь сообразить, а как машину найти – нет.

– Ладно, – он вскочил со своего места, – ты меня достала! Хочешь приключений? Ты их получишь! Едем к гоблинам!

* * *

Белая «девятка» въехала на очищенную от снега стоянку и остановилась около будки с охранником.

Андрей вышел из машины и недолго переговаривался о чем-то с молодым человеком в камуфляже. Закончив беседу, вернулся, сел рядом с Дарьей и сообщил, что народ обедает в ближайшем гриль-баре. Надо всего-навсего пересечь трассу и проехать сотню метров.

Дарья выполнила все указания, и вскоре они уже входили в полутемное помещение, где тихо играла медленная музыка.

Сразу в глаза бросилась группа молодых мужчин, рассевшихся за одним столом.

Их было четверо. Все в кожаных куртках, дорогие шапки лежат у кого на коленях, у кого на придвинутых стульях.

Дарья узнала его по голосу. Скотина, как тесен мир! Она вначале не узнала его со спины, да и полумрак здесь не был ее союзником, но в конце концов она уже знала, с кем ей придется встретиться лицом к лицу.

Худощавый, с большим шрамом на щеке, до этого горячо рассказывающий браткам, как он трахал классную телку, внезапно замолчал и посмотрел за спину предводителю.

Тому пришлось обернуться. Глаза Дарьи и Валеры встретились. Затем бык перевел взгляд на ее попутчика. От Дарьи не ускользнуло, как тень смущения пробегает по его лицу.

Валера быстренько поднялся, первым поздоровался с Андреем, предложил присесть к столу.

Кто здесь кто, было ясно без комментариев.

– Какого хера вы здесь расселись, – сразу же после рукопожатия спросил торговец. – За что я вам отдал пять штук? За то, чтоб вы мясо жрали и после этого нагружали очко? Вы почему не шевелитесь, мать вашу?

– Андрей, ты успокойся, – Валера побледнел.

Дарья старалась смотреть в сторону и не выказывать собственного удовлетворения: не улыбаться, не глядеть глаза в глаза. Может, запомнить, а тогда жди расплаты.

– Меня уже успокоили. Если ты хочешь и дальше заправлять стоянками, найди мои колеса.

– У меня большое хозяйство...

– Твое хозяйство стоит пятьдесят штук вместе с твоей кодлой, только об этом мало кто знает. Ищи мне машину, иначе весь твой бизнес перейдет к другому, более шустрому.

Смерть – обычный повод для передачи дел от одного лица к другому. Валера об этом знал.

Они развернулись и вышли. Андрей закурил на морозце, обнял Дарью.

– Что делать, что делать, ума не приложу!

– Может, к ментам? – предложила Дарья.

– Если у тебя есть какие-то свои менты, то пошли. Я скупиться не буду. Но если ты хочешь, чтобы я опять пошел к тем двум козлам, что перекладывают бумажки у меня на глазах и уверяют, что они обязательно найдут, извини – мне этого не надо.

– Я симпатичная? – Дарья, как маленькая озорница, посмотрела ему в глаза.

– Весьма, я бы даже сказал, очень.

– Вот и отлично. Есть один старший лейтенант. Он, кажется, и не из ГИБДД, но я ему нравлюсь. Что, если я воспользуюсь своими чарами?

– В тебе есть что-то от ведьмы. Только, мне думается, деньги лучше.

– Нам стоит объединить усилия, – серьезно сказала она. – В этом случае успех гарантирован.

Не всякий мент станет работать в субботу, а вот молодой старший лейтенант ну просто-таки обязан подчищать накопившиеся за неделю бумажные хвосты, сидя в своем кабинете.

Дарья в райотдел милиции пошла одна. Андрей сослался на сильную аллергию к людям в погонах и остался сидеть в «девятке».

Она подошла к окошку дежурного и спросила, как ей увидеть старшего лейтенанта Парусова. Усатый капитан, взглянув на нее, едва улыбнулся в усы и сообщил, что нужный ей человек прозябает в комнате двадцать два на втором этаже.

Поблагодарив служивого, Дарья поднялась наверх и пару раз тихонько стукнула по двери с двумя двойками.

– Входите! – донеслось до нее.

Петли тихонько скрипнули, и Данилова вошла в большую, метров пять в ширину, комнату. Около десятка столов сиротливо стояли, на время расставшись со своими хозяевами, и лишь за одним работал молодой розовощекий Сергей Васильевич.

– Здравствуйте, – натянуто произнес он, не зная, чего ему ждать от визита молодой и красивой женщины.

– Добрый день, – ответила она, на ходу пробираясь между двумя стульями, загораживающими проход.

Лейтенант закрыл лежащую перед его носом папку и отложил в сторону, расчищая место на основательно заваленном столе.

– Садитесь.

– Спасибо, – села, ножки вместе, ручки на коленочки, сама скромность. – Вы не могли бы мне помочь?

– На то она и милиция, чтобы помогать. Я весь внимание.

«Молодец, ответ у тебя просто образец литературного творчества. Посмотрим, как ты будешь реагировать на мою просьбу».

Дарья открыла рот, затем изобразила смущение и покачала головой. Актриса – тоже профессия.

– Смелее, комната не прослушивается.

– Спасибо, я тоже смотрю фильмы про Джеймса Бонда. У моего приятеля украли машину.

– У-у-м, это не ко мне, я угонами не занимаюсь.

– Я знаю, – тихим, успокаивающим голосом произнесла Дарья. – Я же просто спрашиваю. – Она пожалела, что он молодой и зеленый. Зрелый и умный человек выслушал бы ее до конца, а этот так и норовит показать, что он по мокрухе.

– Боюсь, я ничем не смогу вам помочь, кроме того, что назову номер кабинета, фамилию следователя и время, когда его наверняка можно здесь застать.

Дарья смотрела в сторону, пытаясь раскачиваться на стуле, и качала головой. Со стороны могло показаться, что старшая сестра выслушивает оправдания младшего братика.

– Можно с вами, товарищ Парусов, поговорить, так сказать, не для протокола.

– Ну почему же нельзя, – он приосанился, затем подался чуть вперед и положил руки на стол. – Слушаю, товарищ Данилова.

– Я уже сказала, увели тачку. Надо найти.

Она была уверена, что перед ней мент, который берет. Молодой, неужели от денег откажется? В ее голове это не укладывалось.

– Что за машина? – Он поспешил добавить: – Это я из чистого любопытства спрашиваю.
– «Мерседес-500».

Она видела по его лицу, как любопытство перерастает в профессиональный интерес.

– Дорогая машина.

– Не то слово. Просто огромные деньги. – Дарья защебетала: – Ты... простите, вы даже представить себе не можете, насколько это роскошная тачка. – Дарья и сама плохо представляла, насколько хорош предмет разговора, но сейчас для пользы дела надо было раскошегарить Парусова, а не вдаваться в подробности. – Таковую машину спрятать невозможно, их по Саратову наберется не больше пяти штук. А может, она одна-единственная у моего приятеля и была.

– Приятель, похоже, неплохо зарабатывает, – завистливо произнес Парусов.

– У него есть деньги, – с готовностью подтвердила Дарья. – Мне и надо-то всего ничего, узнать, у кого еще в городе могли быть такие машины.

– Отрабатываете версию с запчастями?

– Естественно.

– Это надо через ГИБДД узнавать, – безразличным тоном ответил лейтенант.

– Но у меня нет знакомых в ГИБДД! – воскликнула она.

– И что же вы мне предлагаете? Достать вам информацию?

– Ну а что такого? – Данилова посмотрела на него невинными глазками. – Для вас это раз плюнуть.

– Вы отдаете себе отчет, о чем просите сотрудника милиции? – поинтересовался он строго.

– Конечно. Двести долларов хватит?

Парусов зыркнул глазами по кабинету, будто бы в нем было полно народу.

– А вы не боитесь, что я вас сейчас арестую?

– Вы же не дурак.

Лейтенант встал, взял посетительницу за руку. Она поднялась со своего места, и он повел ее к двери.

– Зайдите через день, может быть, мне и удастся что-нибудь разузнать.

Дарья готова была его поцеловать, но все же сдержалась. Что у нее, мужика нет? Теперь, считай, есть.

Андрей, узнав о том, что разговор состоялся, немного повеселел.

– Придется отдать пятьсот баксов, но для тебя, я думаю, это не деньги.

– А не слишком ли это много? – До этого он крутил брелок на пальце, теперь китайская лазерная указка безжизненно повисла.

– Хапнуть он любит, – деловым тоном ответила она. – Но это не главное. Главное: скоро у нас на руках окажутся данные по владельцам всех «пятисотых» в Саратове.

– Хотелось бы верить, – он протянул ей баксы. – Ты знаешь, я не жадный, но у моего кошелька есть дно, и если я буду вести столь же оторванный от действительности образ жизни, как и до этого, то вскоре мы это донышко увидим.

– Что-то я не заметила, как ты потратил четыреста тысяч долларов.

– Мои капиталы закопаны в мельницы, в акции и в несколько сотен тонн зерна, хранящегося на элеваторе в ожидании своего часа.

– Продавать будешь?

– Нет. Размелю, а уж муку после этого по оптовкам распишаю.

Праздновать удачное посещение ментовки парочка отправилась в «Бригантину».

Сидя за уставленным снедью столом, Андрей осторожно поинтересовался собственными перспективами:

– Может, мы поедим и поедем к тебе?

– Нет уж, – Дарья уже заранее продумала стратегию и намеревалась помуржить мужика подольше. – Мне сегодня надо с подругой встретиться. А тебе надо выспаться, отдохнуть от непрекращающихся возлияний. Зачем ты губишь свое здоровье?

– Я эту машину любил, как женщину, а может, даже больше. Второй такой за всю жизнь может уже и не быть. Понимаешь?

По настоянию Дарьи в этот раз спиртное он не заказывал. Ей, конечно, досталось на словах: бизнесмен тут же сравнил Данилову со своей женой, которая, когда они жили вместе, не позволяла ему и капли. Зато Андрей оставался трезвым, и с ним можно было разговаривать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.